

БЕЛОРУССКИЕ МИФЫ
ОТ МАРЫ
И ДОМАШНЕГО УЖА
ДО ВОЛКОЛАКА
И ЗЛЫДНИ

ЕЛЕНА ЛЕВКИЕВСКАЯ

МИО

МИФ Культура

Елена Левкиевская

**Белорусские мифы. От
Мары и домашнего ужа
до волколака и Злыдни**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2024

УДК 82-343.4(476)
ББК 82.3-440(4Бей)

Левкиевская Е. Е.

Белорусские мифы. От Мары и домашнего ужа до волколака и Злыдни / Е. Е. Левкиевская — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2024 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-250038-3

Как на Земле появились люди, животные, нечистая сила? Кто такие окаменевший пахарь, великаны, мифическая страна Вырей, колдуны и знахари? В этой книге рассказывается о белорусской мифологии в том виде, в котором она известна нам по фольклорным и этнографическим записям, начиная со второй половины XIX века и заканчивая фольклорными экспедициями нашего времени. Вы узнаете, как белорусы представляли окружающий мир, в каких духов верили, как почитали предков, защищались от нечистой силы и козней демонических персонажей. В многочисленных быличках вы услышите живую речь жителей Беларуси и окунетесь в новый и немного загадочный мир славянской культуры. Для кого эта книга Для тех, кто собирает книги серии «Мифы от и до». Для всех, кто интересуется мифологией и фольклором. От автора В этой книге рассказывается о низшей белорусской мифологии в том виде, в котором она известна нам по фольклорным и этнографическим записям последних примерно полутора веков. Более-менее регулярные исследования восточнославянской традиции начались со второй половины XIX века, а в наше время постоянные фольклорные экспедиции, фиксирующие состояние современной народной культуры, стали неотъемлемой частью фольклористики. Мифологическая система не есть нечто постоянное и неподвижное, она способна эволюционировать и изменяться, в том числе и под влиянием соседних традиций (для белорусской мифологии – это прежде всего русская, украинская, польская и отчасти литовская мифологии). И это неудивительно, если вспомнить историю белорусских земель, которые (вместе с украинскими) с XIV века по конец XVIII века существовали в рамках сначала Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой и только

с конца XVIII столетия оказались в составе Российской империи. Локальные мифологические системы разных регионов Белоруссии дают прекрасную возможность увидеть следы этих взаимовлияний, создающих сложную диалектную картину белорусской традиции.

УДК 82-343.4(476)

ББК 82.3-440(4Бел)

ISBN 978-5-00-250038-3

© Левкиевская Е. Е., 2024

© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2024

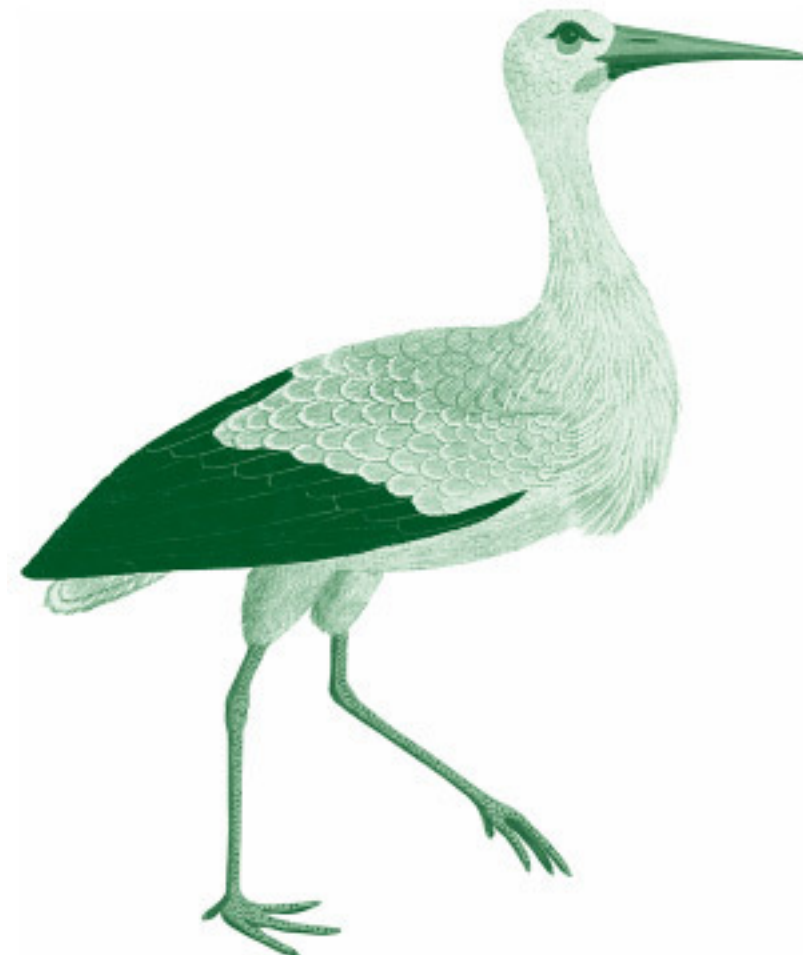
Содержание

Информация от издательства	8
Предисловие. Несколько слов об этой книге	9
Глава 1. Космогонические, этиологические и эсхатологические легенды	13
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Левкиевская

Белорусские мифы. От Мары

и домашнего ужа до волколака и Злыдни

National Gallery of Art

Muzeum Narodowe w Warszawie

Информация от издательства

Левкиевская, Елена

Белорусские мифы. От Мары и домашнего ужа до волколака и Злыдни / Елена Левкиевская. – Москва: МИФ, 2025. – (Мифы от и до).

ISBN 978-5-00250-038-3

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Левкиевская Е., 2024

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2025

Предисловие. Несколько слов об этой книге

В этой книге рассказывается о низшей белорусской мифологии в том виде, в котором она известна нам по фольклорным и этнографическим записям последних примерно полутора веков. Более-менее регулярные исследования восточнославянской традиции начались со второй половины XIX века, а в наше время постоянные фольклорные экспедиции, фиксирующие состояние современной народной культуры, стали неотъемлемой частью фольклористики. Что же касается пантеона высших божеств, то о нем здесь не говорится по той причине, что все известные нам по древним письменным памятникам и не слишком многочисленные факты о высших божествах восточных славян (боге-громовержце Перуне, скотьем боге Волосе/Велесе, женском божестве Мокоши и некоторых других) относятся к древнерусскому дохристианскому и раннехристианскому периоду, то есть к эпохе, когда еще не началось формирование самостоятельного белорусского этноса¹. С принятием христианства представления о высших божествах относительно быстро исчезли из актуальных восточнославянских верований, отчасти замещившись народным культом христианских святых, однако остатки этих представлений до сих пор сохраняются в белорусском языке и народной традиции. К примеру, стоит вспомнить, что молнию у белорусов называют по имени верховного божества восточнославянского языческого пантеона – *пярун*, а в мифологии живы поверья о том, что во время грозы Бог (или святой Илья) бьет своими молниями-перунами в «нечистика», то есть в черта. Некоторые ученые (в частности, В. В. Иванов и В. Н. Топоров) считали это поверье отголоском главного восточнославянского мифологического сюжета о борьбе бога-громовержца Перуна с его хтоническим противником Велесом (так называемая теория основного мифа, которая в настоящее время подвергается достаточно обоснованной критике).

Белорусские (как и вообще славянские) этиологические легенды (о сотворении мира, земли, людей и всего сущего) в основном содержат христианизированные версии представлений о первых временах творения, в частности народные интерпретации библейских и евангельских сюжетов на эту тему. Но некоторые из этих сюжетов являются подлинной древностью и относятся даже не к индоевропейскому, а к более раннему наследию и принадлежат к мировому фольклору. Речь идет об известной во многих культурах дуалистической легенде о двух демиургах – Боге и Его помощнике (который почти сразу же оказывается и Его антагонистом) – и о сотворении суши из горсти земли, поднятой помощником Бога (чертом, дьяволом, Сатаной) со дна океана (в научных исследованиях ее часто называют мифом о ныряльщике, поскольку по Божьему указанию помощник ныряет за землей на дно океана). В белорусском (как и вообще в славянском) фольклоре эта древняя легенда оказывается сопряжена с библейским сюжетом об одном из ангелов, попытавшемся организовать восстание против Бога, и о свержении восставших ангелов на землю. Кстати, именно из этих павших ангелов, по народным воззрениям, и произошли многочисленные мифологические персонажи. Отношения Творца и его помощника-антагониста описываются в этиологических легендах как постоянное противостояние из-за гордыни последнего, все время пытающегося доказать, что он равен Богу и также способен творить, но его творения, в отличие от Божьих, оказываются убогими и несовершенными или вредными и опасными. Наиболее известный круг белорусских этиологических легенд собран в [первой главе](#) настоящей книги, тогда как остальные главы посвящены персонажам низшей мифологии.

Низшая мифология – это прежде всего система мифологических персонажей (духов и демонов), наделенных в традиции собственным набором признаков и характерных действий. Белорусская мифологическая система, складывавшаяся не одномоментно, но в течение мно-

¹ Формирование белорусского этноса относится к периоду XIV–XVII вв. *Прим. ред.*

гих веков, содержит в себе как очень древние элементы, восходящие еще к праславянскому периоду², так и сравнительно поздние, возникавшие в то время, когда из восточнославянской общности формировались отдельные русский, белорусский и украинский этносы, каждый из которых привносил свою специфику в доставшееся ему общеславянское наследие. А это наследие достаточно велико и вполне ощутимо прослеживается даже в современных мифологических представлениях, пусть и в довольно преобразованном состоянии. Речь идет прежде всего о наборе персонажей, происходящих из разного типа покойников и составляющих, пожалуй, ядро белорусской (как и всей славянской) мифологической системы. Мифологизация умерших – один из наиболее продуктивных способов формирования поверий о демонических существах – в разных вариантах они известны во всех славянских традициях и восходят, вероятно, к наиболее древнему кругу представлений о «правильной», «чистой» и «неправильной», «нечистой» смерти, заимствованных праславянами еще из индоевропейского прошлого. В белорусской народной культуре эти представления реализовались, с одной стороны, в образе *дедов* – почитаемых душ предков, культ которых традиционно силен в Белоруссии, а с другой стороны, в образах различных персонажей, происходящих из «нечистых» покойников, умерших «неправильной» смертью, по разным причинам не проживших положенный им срок жизни: *детей, умерших некрещеными, «ходячих» покойников, русалок, кикимор*. Всем этим персонажам посвящена [вторая глава](#).

Общеславянские корни имеют в белорусском фольклоре и широко распространенные поверья о людях, наделенных колдовскими способностями и демоническими чертами, – *ведьмах, колдунах, знахарях*. Это не мифологические персонажи в прямом значении этого слова, но реальные люди (часто соседи, односельчане), которые могут с помощью магии творить как зло, так и добро. Основные результаты их вредоносной деятельности – это различные формы *сглаза* и *порчи*, к которой также принадлежат *залом* (особым образом скрученные или надломленные колосья в поле) и *колтун* – спутанные пряди волос на голове, вызывающие болезненное состояние. К этой же категории людей с демоническими свойствами принадлежит значительное число лиц, которых можно назвать *знающими* и которые в силу своей профессиональной деятельности наделяются в народном сознании магическими чертами, – это музыканты, гончары, пасечники, пастухи, кузнецы, повитухи. Подобные свойства приписывают и социальным маргиналам – всевозможным странникам и нищим, которые обладают способностью предвидеть будущее и вступать в контакт с «иным» миром. Белорусская мифология (наряду с украинской, карпатской и южнославянской) хорошо сохранила представления о людях-оборотнях, способных превращаться в волков, – *волколаках*. Весь этот обширный круг людей и явлений, связанных с колдовством и магией, описан в [третьей главе](#).

[Четвертая глава](#) посвящена духам домашнего и природного пространства. На первый взгляд может показаться, что белорусская мифологическая система в этой области очень похожа на русскую, – в ней также присутствуют представления о мифологических хозяевах дома, хлева, бани, овина, а за пределами усадьбы – леса, водоемов и поля. Однако это ощущение похожесть ложное: при более внимательном подходе оказывается, что белорусская традиция обладает (если вспомнить слова Е. Баратынского) «лица необщим выраженьем» и что по целому ряду мотивов и сюжетов, а также по «устройству» якобы похожих персонажей (даже таких, как домовый или водяной) она значительно отличается от русской.

В чем же эти отличия? Во-первых, в том, что представления о духах – хозяевах усадебного пространства (*домовике* или *хатнике*, *хлевнике*, *лазнике*, *евнике*, *пуннике*), а также природных локусов (*лесовике*, *водянике*, *багнике*, *полевице*), в русской мифологии занимающие

² Праславянский период – период существования славянских племен с момента выделения их из индоевропейской общности до V–VI вв. н. э., когда начались постепенный распад праславянского единства и формирование отдельных славянских этносов. *Прим. ред.*

центральное место, в белорусской традиции существуют в основном в восточных и северо-восточных районах, примыкающих к русской территории, тогда как на юге и юго-западе Белоруссии (в том числе в белорусском Полесье) они практически не известны. Их место занимают типологически другие персонажи (очень часто это черт), которые хотя и обитают в этих пространствах (в доме, в лесу или в водоеме), но осмысляются не как их хозяева, а просто как находящиеся там существа. Например, если в Витебской области мифологический хозяин дома *домовик* (или *хатник*) по своим характерным признакам и действиям очень похож на русского *домового* (он есть в каждом доме, который опекает, и это является нормой), то в Брестской или Гродненской областях находящийся в доме персонаж мыслится как опасное и вредное существо, от которого надо избавляться и защищаться оберегами (иногда это черт, насланный ведьмами и колдунами, иногда «ходячий» покойник). Во-вторых, эти типологически иные персонажи часто называются теми же самыми именами, что и духи-хозяева. К примеру, слово *домовик* на востоке Белоруссии обозначает почитаемого мифологического хозяина дома, а в брестском Полесье – насланную в дом нечистую силу или приходящего туда «ходячего» покойника. Точно так же слово *водяник* в восточных районах обозначает хозяина водоема, а в западном Полесье – злобного утопленника, обитающего в воде. В-третьих, система белорусских домашних персонажей не ограничивается только антропоморфным домовиком, в ней также присутствуют и зооморфные существа – *домашний уж* и *ласка*, как правило, связанные со скомом.

Важно понимать, что мифологические персонажи отнюдь не одинаковы по своему «устройству» и по степени демоничности. Одни из них (например, черт, русалка, ведьма, домовик) представляют собой развернутые образы, наделенные и узнаваемым внешним обликом, и обширным набором приписываемых им устойчивых мотивов и функций. Другие же мифологические элементы слабо персонифицированы и представляют собой не образы, а мифологизированные явления и состояния (в частности, вихрь, цветение папоротника, персонификации смерти, болезней, судьбы, календарных праздников и подобное), а также таких животных, как *змеи*, наделяемых мифологическими свойствами. Из перечисления этих разнообразных явлений понятно, что белорусская (как и любая другая славянская) мифологическая система – это многоуровневое образование, разные уровни которого организованы по-своему и различными способами выражают мифологические смыслы. К примеру, в белорусских – как и в русских – представлениях хорошо известна способность некоторых персонажей (как правило, лесовика или черта) сбивать человека с пути, заставлять блуждать, заводить в непроходимые места. Если в восточных районах Белоруссии, соседствующих с русскими, эта функция входит в состав характерных действий мифологического хозяина леса, то в западных областях, на границе с Польшей, она может существовать самостоятельно, как некое обезличенное и слабо персонифицированное образование под названием *страх*, *ляк*, *ляковка*. Весь этот круг мифологизированных природных явлений, состояний человека и персонификаций описан в [пятой главе](#).

[Шестая глава](#) посвящена трем персонажам, отличительная особенность которых – способность перемещаться из одной пространственной сферы в другую, находиться в разных местах. Сюда относятся сведения о *летающем змее спарнике*, проявляющем себя в двух пространствах – воздушном и земном. В белорусской традиции (в восточном Полесье) этот персонаж связан прежде всего с функциями духа-обогатителя, живущего у ведьм и колдунов на положении помощника и приносящего им богатство, которое ворует у других людей. Характерно, что в некоторых случаях такой персонаж может называться *домовиком*. Обширный пласт сведений, публикуемых в этой части книги, связан с чертом. Для белорусской (особенно для полесской) народной традиции фигура черта имеет особое значение – в юго-западных районах, где сильно ослаблены представления о духах – хозяевах пространств (лесовике, водянике, полевике, болотнике), многие функции этих персонажей закреплены именно за чертом

(например, он заставляет человека блуждать, сбивая его с дороги, как леший; заманивает в воду с целью утопить, как водяной, и т. д.). Черт – многогранная фигура, осмысляемая, с одной стороны, как воплощение нечистой силы в целом, а с другой – как персонаж, обладающий собственным набором признаков. Кроме того, на народный образ черта повлияли книжные христианские представления об антагонисте Бога-творца. Если представления о черте – это важная и древняя часть белорусской традиции, то поверья о *доброхожих*, записанные в последние десятилетия на белорусско-русском пограничье, – относительно новый элемент, находящийся в стадии формирования.

Мифологическая система не есть нечто постоянное и неподвижное, она способна эволюционировать и изменяться, в том числе и под влиянием соседних традиций (для белорусской мифологии – это прежде всего русская, украинская, польская и отчасти литовская мифологии). И это неудивительно, если вспомнить историю белорусских земель, которые (вместе с украинскими) с XIV века по конец XVIII века существовали в рамках сначала Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой и только с конца XVIII столетия оказались в составе Российской империи. Локальные мифологические системы разных регионов Белоруссии дают прекрасную возможность увидеть следы этих взаимовлияний, создающих сложную диалектную картину белорусской традиции. Мифология востока Белоруссии по своему составу и набору мотивов близка соседствующей с ней западнорусской традиции, составляя с последней, по сути, общую ареальную систему. На западе Белоруссии столь же очевидны следы влияния польской мифологии, о чем, в частности, свидетельствуют поверья о *колтуне* и *блуждающих огоньках*, а также о водяном духе *топельнике*. Особыми чертами обладает белорусская часть Полесья, которая вместе с украинским Полесьем образует общую ареальную традицию со своим набором мотивов и сюжетов.

Глава 1. Космогонические, этиологические и эсхатологические легенды

НАЧАЛО СОТВОРЕНИЯ МИРА

В славянских народных традициях сложилось собственное представление о том, кто и как сотворил Землю, как на ней появились люди, животные, нечистая сила и когда наступит конец исторического времени. На все эти вопросы отвечают космогонические легенды (происхождение мира в том виде, в каком мы его знаем сейчас), этиологические легенды (сотворение живых существ и культурных предметов), а также эсхатологические легенды (о конце света). В белорусской традиции эти легенды опираются не на дохристианские верования (от которых сегодня сохранилось очень мало), а на трансформированные библейские сюжеты. В традиционной культуре они получили собственное толкование, иногда достаточно далекое от первоисточника. Их часто называют «народной Библией», поскольку в рамках космогонии и эсхатологии описано все земное существование человечества.

Сотворение мира. Гравюра, 1606.

The Metropolitan Museum of Art

Сотворение Земли в основном представляет собой пересказ известного библейского сюжета об отделении Богом тверди от воды.

Но на чем стоит свет? В западно-белорусской легенде из окрестностей Слонима утверждается, что «свет на куриной ноге стоит». Известны и распространенные у славян версии о большой рыбе или нескольких китах, которые держат на себе землю:

«Земля стоит на четырех китах, но это, может быть, неправда, потому что где тем китам удержать такую тяжесть и махину»³.

Когда рыба или киты начинают шевелиться, на земле случаются землетрясения. Счастливые люди заранее знают, где оно произойдет, и идут на это место вместе со священником, чтобы попросить Бога и рыбу, на которой стоит земля, избавить их от напасти, и тогда землетрясения удастся избежать. Однако если рыбе надоедает лежать на одном боку, и она решает изменить положение и перевернуться на другой бок, то и мир переворачивается кверху ногами (Гродненская обл.)⁴.

Кит. Рисунок, XVI в.
Rijksmuseum

Считается, что мир сотворил не один только Бог (как об этом свидетельствует христианское богословие), а Бог совместно с его напарником, который почти сразу же стал противником (в этой роли могут выступать черт, дьявол, Сатана, Антихрист, отпавший ангел), который стремился утвердить себя в качестве главного творца и все делал наперекор Богу. Несмотря на противостояние, они вместе создали землю, ее ландшафт, природные объекты, живых существ и растения. Перед творением земли в мире не было ничего, кроме моря, над которым пребывал (по которому ходил, плавал на лодке) один лишь Бог. На вопрос, откуда у Бога появился помощник, когда вокруг ничего не было, разные варианты легенды отвечают по-своему, но чаще всего, что тот возник сам по себе из ниоткуда. В одних повествованиях говорится, что Бог увидел плывущий по морю мутный пузырь; по другим вариантам легенды

³ Сержпутоўскі А. К. Прымкі і забавны беларусоў-палешукоў. Менск, 1930. С. 22.

⁴ Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1. S. 163.

он увидел его висющим в воздухе. Бог приказал пузырю остановиться и лопнуть, что тот и сделал, а затем оттуда выбрался черт, который и стал ему «товарищем» в творении.

По приказу Бога черт погружается на морское дно, чтобы достать оттуда немного песка для творения суши. В большинстве сказаний черт ныряет за землей трижды и первые два раза неудачно, поскольку из-за своей гордости пренебрегает указанием Бога сказать: «Беру во имя Божье!» или «По Божьему благословению!» – или пытается разными способами исказить формулировку (например, произнеся: «Во имя мое и Божье!»). В третий раз, сказав все правильно, черт мухлюет и часть добытой земли прячет себе за щеку. Когда из добытого чертом песка Бог создает сушу, она начинает расти и расширяться, как и песок, спрятанный у черта за щекой. Пытаясь избавиться от песка, черт плюется, и на ровной земной поверхности, созданной Богом, появляются горы, холмы, возвышенности, овраги – весь земной рельеф.

По одной из легенд западной Белоруссии, земной рельеф образовался после Всемирного потопа. Уходящие в землю потоки воды сделали ее неровной, прочертив на ней горы и низменности. Считается, что в то время камни росли подобно живым существам, и происходило это так быстро, что они могли покрыть собой всю земную поверхность. Рост камней прекратился, когда Бог (Христос, Богородица) заклинали их.

Раньше камни были большие, как хаты. Один раз шла Матерь Божия и сбила себе палец о камень, так заплакала горько и сказала: «Ах, дай Боже, чтобы вы уже, этикие, не росли!» И уже с этой поры они хотя и растут, но уже понемногу, и они небольшие (Гродненская губ.)⁵.

Камни могли образовываться и из людей, которые окаменели в результате родительского или Божьего проклятия. Существуют легенды о пахаре, который захотел проверить, действительно ли Пасха такой великий (по продолжительности) праздник, что в него можно успеть сделать гораздо больше дел. Пахарь запрягает волов, едет пахать в поле, но в итоге вместе с ними превращается в камень.

Сюжет о создании земли двумя творцами, один из которых погружается за землей на дно океана, известен во многих культурах как «миф о ныряльщике». У разных народов мира ныряющим персонажем может выступать не только противник Бога, но и множество других существ, такие как водоплавающие птицы (утка, гоголь) или животные (например, бобер)⁶.

Так, в Минской области известна легенда о сотворении земли двумя творцами, в которой функции дьявола выполняет великан, чье существование также относится к мифологическому времени образования земли. В этой версии Бог, идя по синему морю, видит самозарождение великана, который находится в середине поднявшегося со дна водяного столба. Поскольку тот не может выбраться, Бог вытаскивает его на берег и берет в помощники. Бог удивляется красоте великана (явная параллель с необычайной красотой Люцифера). Затем великан поднимает бунт против Бога и подговаривает ангелов на неповиновение: когда Бог творит человека, великан заявляет, что и сам может сделать такого же. Вместе с отпавшими ангелами он мутит в водоемах воду, но так им удастся создать лишь различных насекомых; загрязненные водоемы превращаются в болота, а лица бунтовщиков от работы чернеют, точно уголь. Тогда Бог приказывает отпавшим от него ангелам поселиться в болотах – они превращаются в чертей и различную нечистую силу.

Общеславянское представление о непрерывном противостоянии Бога и его противника (черта, Сатаны) находит свое отражение и в белорусском сюжете о споре Бога с чертом. Еще

⁵ Federowski M. *Lud Białoruski na Rusi Litewskiej*. Kraków, 1897. T. 1. S. 165.

⁶ Подробнее об этом мифе у славян и других народов: Кузнецова В. С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998; Березкин Ю. Е. Из Старого Света в Новый Свет. Мифы народов мира. М., 2009.

один вариант – преследование Господом (или святым Ильей) нечистой силы, которую он поражает стрелами молний, а та последовательно прячется под камень, коня, корову, дом и человека, но укрыться все же не может.

Бог [иногда святой Илья] спорил с нечистиком: «Я, – говорит, – тебя убью!» – «А как ты меня убьешь? Я спрячусь!» – «Куда?» – «Под человека». – «Я человека убью, грехи ему отпущу и тебя убью». – «А я под коня!» – «А я коня убью, человека за это награжу, а тебя убью!» – «А я под корову!» – «А я корову убью, хозяина за это награжу, а тебя убью!» – «А я под дом!» – «А я дом сожгу, человека за это награжу, а тебя убью!» – «А я под дерево спрячусь, там ты меня не убьешь». – «А я дерево разобью и тебя убью!» – «А я под камень спрячусь!» – «А я камень разобью и тебя убью!» – «А я уйду в воду, под корягу, под колоду!» – «Вот там и сиди, там твое место!» Так что там, где ударит *пярун*, то это *Бог нячисицика бьець*. А нечистик стремится спастись, превращаясь то в собаку, то в свинью или другое животное, которое норovit куда-нибудь спрятаться⁷.

Во время грозы важно следить за тем, чтобы рядом с человеком не было никаких мелких птичек или животных, в которых может превратиться черт в стремлении спрятаться за человека.

⁷ Романов Е. Р. Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4. С. 153–154.

Архангел Михаил, попирающий Люцифера. XVI в.
The Metropolitan Museum of Art

По преданиям, Бог убивает черта особой громовой стрелой, которую люди потом могут найти в земле, – как правило, это белемнит или орудия каменного века, в народе именуемые «перуновыми стрелами». Громовая стрела, которой Творец поражает противника, в легендах называется *перун* (*пярун*), что совпадает с именем главного языческого божества древнерусского пантеона – Перуна-громовержца. Примечательно, что схожий сюжет сохранился и в литовском фольклоре о Перкунасе и его противнике. Белорусские сказания связывают божьи стрелы с происхождением на земле огня. Согласно материалам из центрального Полесья, Бог

послал огонь на землю в виде молнии, отделив частицу солнца, чтобы поразить ею нечистую силу. Тогда нечисть спряталась в воду, а когда огонь решил отдохнуть, похитила часть его и устроила пекло – с тех пор огонь стал служить и людям, и лиху. По другой легенде, Бог дал огонь первому человеку в помощь после изгнания из рая, чтобы люди почитали его и боялись. Для этого Господь послал на землю молнию, которая подожгла дерево, – с этого момента люди научились пользоваться огнем и добывать его.

Близко к земле Бог сотворил небо, на которое можно было всходить, но, когда люди согрешили, Господь отдалил его, закрыв этот путь. Согласно преданиям, чтобы узнать расстояние от неба до земли, нужно зарезать трехгодовалого быка, ошипать с его шкуры все шерстинки и сложить их одна за другой по прямой линии – это и будет искомая величина. Материал же, из которого состоит небо, очень твердый, крепкий и яркий – мотив твердого неба является интерпретацией библейского образа «тверди небесной» (Библия, Книга Бытия 1:8). В белорусских, как и в других славянских сказаниях, сохранился мотив семи небес, из которых человек видит только первое, а на седьмом живет Бог. Иногда в затянутом облаками небе образуются просветы, через который счастливый человек может увидеть Бога. Что касается солнца, то оно также создано Богом в момент творения мира, чтобы людям было светло. Оно находится далеко от земли – если бы птица летела до него три дня и три ночи без остановки, и то не долетела бы. В Гродненской губернии в окрестностях Волковыска известно предание, слегка напоминающее античный миф об Икаре: один королевич захотел узнать, что происходит на солнце. Он поймал огромную хищную птицу и несколько мелких пташек (скворцов), сел на большую птицу и полетел к солнцу, а скворцов посадил на длинную палку, которую держал перед ней в качестве приманки. Летел он три дня и три ночи, пока птичьи перья не начали трескаться от жара, а крылья обугливались. В конце концов птица упала вместе с королевичем на землю – он и до солнца не долетел, и бока как следует отшиб⁸.

Луну Бог создал в помощь солнцу, но временами она выглядит ущербной, потому что черт, желая навредить людям, подлетает к ней, грызет ее и пытается сбросить с неба. Однако, когда от нее остается небольшой огрызок, солнце направляет на черта свои лучи, и тому приходится спасаться бегством. В легенде из белорусского Полесья Бог назначил месяц ночным светилом, но тот плохо выполнял свои обязанности, из-за чего был приговорен к ежемесячному перерождению. Помимо того, на Луну Бог в наказание сослал Каина – этим объясняется природа лунных пятен:

«Как Каин Авеля забил, то Бог до скончания света поместил их на месяц. И по сегодняшний день, когда месяц полный, мы видим, как брат брата на вилах держит. Потому и потомство авелево господствует на земле, а каиново вынуждено ему служить»⁹.

Общеславянское представление о лунных пятнах как о помещенном на луну Каине (одного или совместно с Авелем) или двух других братьях, отправленных туда Богом за нарушение запретов, восходит к апокрифическим сочинениям типа «Разумник-Указ»¹⁰.

Звезды на небе – это своеобразные двойники человеческих душ: когда рождается человек, Бог зажигает на небе его звезду, которая горит до тех пор, пока тот жив. Яркость и величина звезды, по одним поверьям, зависит от праведности или греховности человека: звезды грешных людей светят слабо, потому что им стыдно за их грехи. По другим сказаниям, яркость звезды зависит от социального статуса человека: звезды богатых людей крупнее и ярче, чем звезды бедняков. На западе Белоруссии, где были известны католические представления

⁸ Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1. S. 149.

⁹ Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1. S. 149.

¹⁰ Подробнее об этом: Бадаланова Ф. Каин окаянный. Болгарские фольклорные и литературные версии одного библейского сюжета // Живая старина. 1997. № 2. С. 43–45.

О чистилище, считалось, что падающая звезда означает душу, которая прошла чистилище, очистилась от грехов и теперь летит на небо.

Бог создает Луну, Солнце и звезды. Гравюра, XVI–XVII вв.
Rijksmuseum

Млечный путь в белорусском фольклоре осмысливается как Божья дорога. Этот мотив соответствует южнославянским представлениям о Млечном пути как о «соломенной дороге» (у болгар, македонцев, сербов Млечный путь называется *кумова слама*, *попова слама*). Известно и поверье о Млечном пути как дороге душ на небо:

«Дорога до Бога. Души умерших идут по этой дороге» (с. Ровицк Пружанского р-на Брестской обл., 1990 г.)¹¹.

По Млечному пути осенью птицы летят в вырей (в поздних версиях – в теплые края), а весной возвращаются обратно. В пинском Полесье Млечный путь называют буськовой дорогой («аистовой дорогой»).

Вырей или *ирей* (бел. *вырай*) – в восточнославянских представлениях мифическая страна за морями, куда осенью улетают перелетные птицы и уползают змеи, а также уходят души умерших. Очевидно, в прошлом это слово обозначало первоначальные, еще дохристианские представления о потустороннем мире – стране мертвых, общей для всех умерших, куда птицы и души умерших летят по Млечному пути, а змеи ползут по деревьям, но куда также можно

¹¹ Здесь и далее, если не обозначено иное, былички цитируются по изданию: Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 1–4. Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. *Прим. ред.*

попасть и через водное пространство, в частности через омут или водоворот. Это поверье подкрепляется белорусскими рассказами о том, что на зиму ласточки и другие мелкие птицы прячутся в колодцы, омуты и водовороты. Например, на юге Гродненской области сохранилось верование, согласно которому птицы осенью сбиваются в большой шар и опускаются в море. Это согласуется с этимологией слова *вырай* (*ирей*, *вирей*), которая возводит его к индоевропейскому корню **iur-* – «водоем, море». Предположение о том, что *вырей* представляет собой «тот свет», куда попадают все души мертвых, тесно связано с общеславянскими поверьями о птицах как воплощениях душ умерших, что ярко отражается в белорусских погребальных причитаниях. Например, в плаче по умершему отцу говорится: «Все пташечки в вырей полетели, и ты вслед за ними». В причитаниях также содержится мотив ожидания умерших родственников весной из вырея, например в плаче матери по умершей дочери: «Моя пташечка милая, ты же будешь с пташечками встречаться и лететь из вырею с ними». Интересно, что разделение «того» света на рай для праведников и ад для грешников появилось у славян только с приходом христианства.

«ТОТ СВЕТ», РАЙ И АД

В белорусском фольклоре рай – это большой и зеленый сад, который находится на небе за высоким стеклянным забором. Там не бывает ни зимы, ни плохой погоды, ни грозы и всегда светит солнце, которое не жжет, а только согревает. Кругом большое количество зелени и разнообразных цветов, а деревья вокруг такие высокие, что приходится задира́ть голову, чтобы увидеть их вершины. В раю живут разные звери и птицы – дикие и домашние, местные и заморские, – но хищные звери не причиняют им никакого вреда, медведи не разоряют пчелиные ульи, волки не убивают ни лошадей, ни овец. Поют райские птицы прекрасней и громче, чем земные. В раю вечно живут праведные души, облаченные в белые одежды, и между ними никогда не бывает ни ругани, ни ссор. Они почивают на подушках из лебединого пуха и ничем не занимаются, поскольку Бог заботится об их потребностях и не жалеет для них ни хлеба, ни другой еды – даже птичьего молока там хватает, о котором у нас говорится только в сказках. Везде, куда только можно глянуть, видны разные чудесные, дивные вещи, но чудеснее всего ангелы в солнечных и небесных одеждах и венках из райских цветов, – они водят хороводы и поют песни, а ночью переодеваются в одежды из лунного света и венки, перевитые серебряными нитями. Когда ангел приносит на небо душу, там звонят серебряные колокола и играют золотые трубы. Вечерами Бог, одетый в белые кружевные одежды, созывает все души к себе и рассказывает им райские сказки, прекраснее которых нет на свете¹².

Ад (пекло) обычно описывают как огромный темный погреб в глубине земли. В центре его сидит прикованный к железному столбу Сатана (по другим вариантам – Антихрист, Люцифер), под руководством которого вокруг больших железных котлов орудуют дьяволы. В котлах, под которыми пылают дрова, кипит смола, где варятся души самоубийц. Как только черт приносит душу умершего грешника или она сама приходит по Божьему приказу, одни черти хватают ее железными вилами и бросают в тот или иной котел в зависимости от ее грехов, а другие подкладывают под него дрова.

¹² Pietkiewicz Cz. *Kultura duchowa Poliesia Rzeczyckiego*. Warszawa, 1938. S. 152–153.

Грешники в аду. XVI в.
The Metropolitan Museum of Art

В пекле есть один самый большой котел, в котором смола горячее: в нем варятся самые страшные грешники – кровопийцы, богачи-мироеды и безбожники. Недалеко от погребя (собственно пекла) находится темная долина, где избывают наказание другие грешники, приговоренные к большому или меньшему сроку. Каждый из них получает наказание в зависимости от своего прегрешения: например, воры носят в зубах то, что они украли; тех, кто при жизни бил других, черти по утрам и вечерам секут розгами; пьяницы и ведьмы, которые отбирали молоко у чужих коров, пьют смолу; те, кто грязно ругался при жизни, ходят с высунутым языком, за который их кусают оводы и комары, и не могут их отогнать, потому что руки у них связаны. Дорога в пекло широкая и удобная, и по обе ее стороны растут яблони и груши со спелыми плодами, но, как только грешная душа, идущая в пекло, пытается что-то сорвать, ветки тотчас поднимаются вверх в насмешку над грешником, чтобы он знал, что дорога эта ведет в ад, а не в рай. Для тех, кто уже отбыл свое наказание за грехи, сзади пекла есть узкая, кривая и петляющая через колдобины тропинка, ведущая на небо. Все души, где бы они ни находи-

лись, в пекле или в раю, в поминальные дни (на *деды*) отпускают на землю, чтобы заглянуть к себе домой и навестить родных¹³.

В белорусских легендах встречается и сюжет, хорошо известный по восточнославянским источникам: Сатана (Люцифер, Антихрист), которого Бог (или архангел Михаил по Божьему поручению) посадил на цепь. В течение года она истончается от человеческих грехов, но на Рождество и Пасху, в момент, когда в церкви провозглашают: «Христос родился!» или «Христос воскрес!», снова становится крепкой и нерушимой. Обычно в легендах Сатана сидит на цепи в пекле, но в одном из гомельских рассказов Бог строит специальный дом, чтобы заточить его там.

Бог начал строить дом. Приходит лукавый и спрашивает: «Что, Господи, делаешь?» «Вот, – говорит, – строю хату». Лукавый снова идет: «Хорошую хату сделал? А залезть можно, чтобы посмотреть?» А Бог ее и строил, чтобы змей самый старший там был. «Можно». – «Я посмотрю». Черт влез, а Бог тут: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа – аминь!» Замкнул [черта] на двенадцать замков – раз! И лег черт и лежит. Уже он никогда не вылезет. И год сидит, всё эти замки грызет. И да все про все остается один замок. А как скажешь: «Христос воскрес!» – раз! Замкнутся на двенадцать замков. И так навечно ему (с. Жаховичи Мозырского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

СОЗДАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ

В рассказах о создании человека черт также пытается соперничать с Богом, но в результате или портит все, что Господь создал совершенным (в частности, человека), или порождает опасных и вредных существ (например, волка). На каждое полезное творение Бога черт создает свое, противоположное: Бог – равнину, черт – горы; Бог – полезные злаки, черт – сорняки; Бог – пчел, черт – мух, ос и шершней; Бог – овец, черт – коз. Именно он сотворяет табак и вино.

¹³ Pietkiewicz Cz. Kultura duchowa Poliesia Rzeczyckiego. Warszawa, 1938, S. 154–157.

Господь создает животных. Гравюра, XVI–XVII вв.

Rijksmuseum

Бог сотворил человека из глины, а черт сотворил волка. И стали они между собой спорить. Бог говорит: «Мое лучше», а недобрый: «Мое лучше». Спорят, и Бог говорит: «Ты сам свою работу будешь прогонять, а моя работа будет всему свету радость. Вот только погляди на мою работу – с нее весь свет заведется, а вот отступи и глянь на свою». Недобрый отступил, а волк вскочил и побежал, и змеи за ним поползли. Тогда черт отвернулся и крикнул: «Кыш!» А Бог засмеялся: «Разве я не говорил, что ты сам будешь на свою работу кричать?» Ну и весь век все волка криком отгоняют (Витебская губ.)¹⁴.

В другом варианте легенды, когда черт выплевывал растущую у него во рту землю, та отравилась его слюной и попала на плодородную почву. Бог же, готовя земное пространство для наилучшей жизни человека, посеял жито, пшеницу, овес, посадил плодовые деревья, целебные травы, но часть семян попала на землю, отравленную чертовой слюной, и вместо полезных там выросли вредные и даже ядовитые растения: вместо ржи – сорная трава, вместо груш и яблонь – терновник, а вместо целебных трав – белена и другие вредные растения. Когда Бог создал полезных животных – лошадей, коров, овец, кошек, собак, – некоторые из них, не умея отличить добрых трав от вредных, наелись ядовитых растений и превратились в медведей, росомх, волков. Так происходило до тех пор, пока звери не научились отличать полезные растения от вредных¹⁵.

¹⁴ Шейн П. В. Там же. 1893. Т. 2. С. 344.

¹⁵ Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902. Т. 3. С. 313–314.

Некоторые животные, по поверьям, происходят от людей, которых Бог лишил человеческого облика в наказание за серьезные проступки. Широко известное у восточных славян сказание, согласно которому медведь когда-то был человеком, встречается и в белорусской традиции.

Появление на земле вредных насекомых (комаров и блох) – тоже результат соперничества Бога и его противника. По легенде (существует аналогичная литовская), Бог и черт боролись друг с другом, напуская друг на друга комаров и блох¹⁶.

Представления о сотворении человека в основном повторяют библейский канонический сюжет о создании сначала Адама из праха земного, а затем Евы из его ребра.

Бог, создавая Адама, его «написал перстом» – эта деталь напоминает другие варианты сказаний, где Господь, прежде чем приступить к очередному творению, сначала рисует его изображение на земле (такой мотив встречается на Русском Севере). Впрочем, черт и здесь ухитряется испортить Божье совершенство, в результате чего человек получает «склонность ко злу». Согласно минской легенде,

«слепил Бог из земли человека, и человек зашевелился, оживился, <...>
пришел черт и также дохнул на него – и вселился в человека злой дух,
и получил человек склонность ко злу»¹⁷.

В народной традиции считается, что Еву сотворил Бог из ребра Адама, но кое-где – к примеру, в окрестностях Слонима Гродненской губ. – бытовало представление, что Ева появилась из его хвоста, потому что изначально Бог сделал первого человека хвостатым¹⁸.

Первоначально Бог дал людям прочное роговое тело – то есть на ощупь оно напоминало ногти, – но после грехопадения человеческое тело ощутимо изменилось. Роговая оболочка слезла и осталась только на кончиках пальцев, и человек приобрел дополнительные части как напоминание о своем грехе – икры и массивные бедра, которые утяжелили тело и лишили его первоначальной легкости. У мужчин появилось адамово яблоко, или кадык, своеобразный знак греха. Считается, что он вырос из застрявшего в горле у Адама остатка яблока, которое дала ему Ева и которым он подавился.

В белорусских народных поверьях Бог часто лепит мужика из земли или глины – прочного, надежного материала, а для создания других сословий и народностей использует непрочный (творог, пшеничную муку или тесто), из-за чего с ними происходят разные зловключения. Например, по преданию, шляхтича Бог создает из пшеничной муки, из-за чего тот оказывается съеден собакой.

¹⁶ Кербелите Б. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. СПб., 2001. С. 69.

¹⁷ Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902. Т. 3. С. 314.

¹⁸ Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. Т. 1. S. 201.

Создание Евы из ребра Адама. XVI в.

The Metropolitan Museum of Art

Бог сотворил свет: небо, землю, зверей, птиц и все, что есть на свете, кроме людей. Видит Бог, что все так хорошо, захотел сотворить и людей. Вот он взял пшеничной муки, и сотворил шляхтичей, и поставил на солнце сушиться, а сам пошел на глиняную гору мужика творить. А тем временем откуда ни возьмись прибежала собака и всех шляхтичей поела. Бог сделал из глины мужика, поставил и его на солнце, чтобы просох, а сам пошел посмотреть, не просохли ли уже шляхтичи. Приходит Он – ни одного шляхтича нет, только

стоит собака. Бог понял, что шляхту поела собака. Как схватил Бог собаку да как стукнул ее о камень – и выскочил один шляхтич и стал называться Каминский, ударил об осину – Осинский, об ольху – Ольховский, о дуб – Дубовский, о березу – Березовский (белорусы Виленской губ.)¹⁹.

В минской версии этой же легенды Бог создает шляхтичей из творога, и их ожидаемо съедает собака. Тогда, рассердившись, Бог прогоняет собаку и предрекает, что в том месте, где она за что-то зацепится, из нее выскочит шляхтич. Так появляются на свете Березовские, Хомутовские, Каменские и подобные шляхтичи.

Польский шляхтич. XVII в.
Muzeum Narodowe w Warszawie

Легенда о человеке, слепленном из творога и съеденном собакой, из которой он потом выскакивал, известна и у украинцев, однако в ней говорится об их соседях-литвинах (как раньше называли белорусов, живших на территории Великого княжества Литовского). Согласно этому преданию, когда Бог творил разные народы, святой Петр спросил Его, почему среди них нет литвинов. Тогда Господь велел апостолу сделать литвина из пшеничной муки, но того съела собака. Петр стал бить собаку и выбил из нее столько литвинов, что Бог испу-

¹⁹ Крачковский Ю. Ф. Быт западно-русского селянина. М., 1874. С. 212–213.

гался, что их некуда будет девать: «Куда ты их всех денешь?» Петр ответил: «Найдется им место и над Десною, и за Десною»²⁰.

Когда на земле появились люди, Бог и черт попытались разделить их между собой – этот мотив вполне согласуется с концептом греха в народной версии христианской этики и с представлениями о разной посмертной участи праведников и грешников. Согласно ей, Бог позволяет черту завладеть душами тех грешников, которые покончили жизнь самоубийством, погибли в пьяной драке, лишали жизни грудных младенцев, курили табак, играли в карты, вели разгульный образ жизни. Черт же, стараясь выпросить себе как можно больше людей, просит у Бога тех, «кто умывается, но не утирается», но Господь решает, что таких может быть слишком много, поэтому отдает ему только тех, «какие утопятся, зарежуются или повесятся». Предвидя будущую порчу нравов и предстоящий конец света, Бог говорит черту: «Обожди немного, за тобой скоро-скоро пойдут все люди».

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ДЬЯВОЛОВ

По Библии, после изгнания из рая Адам с Евой произвели на свет достаточно многочисленное потомство, от которого и произошел человеческий род. В белорусской традиции сюжет о детях Адама и Евы имеет свою трактовку. Так, у Адама и Евы родилось очень много детей, и, когда Бог попросил их показать, они предъявили Ему лишь половину, а вторую половину спрятали где придется: в лесу, в подполье, в банях, овинах и других местах. Причины такого поступка имеют разные трактовки: по одним поверьям, им стало стыдно перед Богом за свое слишком многочисленное потомство, по другим, дети были грязными, и они успели вымыть только часть из них, которых и показали Богу, а остальных спрятали. Как бы то ни было, именно те дети, которые предстали перед Богом и получили его благословение, стали прародителями современных людей. Другие же дети превратились в нечистую силу, а затем и духов различных пространств: спрятанные дома стали домовиками, в лесу – лесовиками, в поле – полевиками, в бане – банниками и так далее.

²⁰ Булашов Г. О. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. Київ, 1992. С. 156.

Изгнание Адама и Евы из рая. 1740.

The Metropolitan Museum of Art

Нечистая сила вот откуда. У Адама и Евы было двенадцать пар детей. Так приходит к ним Бог: «Где ваши дети, покажите мне своих детей». Ну так они шесть пар показали Богу, а шесть пар под дуб спрятали. Бог их взял, благословил: «Растите», – говорит. Адам с Евой пошли к дубу: «Давай мы и этих так же благословим». Пришли к дубу, а там никого нет, их и сейчас не видно. Так вот: как мы от этих [благословленных Богом] шести пар произошли, так те [духи пространств] от тех шести произошли. И их столько же, сколько нас. Только их не видно, потому что их от Бога прятали. Ну вот же, на утрени на Пасху иди с крашеным яйцом в лес к бурелому да

скажи три раза: «Христос воскрес, хозяин полевой, домовый, водяной, лесовой с хозяйюшкой и с детками!» Так и выйдет христосоваться (Могилевская губ.).

Вторая популярная у всех славян версия происхождения нечистой силы связана с апокрифическими легендами книжного происхождения о грехопадении ангелов, низвергнутых Богом с неба за гордыню:

«Они были самыми главными ангелами у Бога. Возгордились, и Бог сбросил их на землю. В этом месте, где они упали, запеклась земля. И если человек простой ступит на это место, то его будет мучить нечистый – сумасшедшие поэтому есть» (с. Луково Малоритского р-на Брестской обл., 1977 г.).

В народной традиции этот сюжет в разных вариантах объясняет появление на свете различных локальных духов – домовых, леших, водяных и прочих.

В белорусской мифологии весьма популярно общеславянское представление о том, что ряды нечистой силы могут пополняться душами грешных людей. Прежде всего такая участь уготована самоубийцам, которые превращаются в демонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.